

Трансгенерационные механизмы как основа формирования зависимой личности

НАЗАРОВ Е.А.	к.психол.н., старший преподаватель кафедры общей психологии и психологии развития Самарского государственного университета; тел.: (846) 278-09-80
НЕЛЮБОВ С.Д.	врач психиатр-нарколог, психотерапевт, главный врач МЦ «Биос»
НЕЛЮБОВА Е.С.	врач психиатр МЦ «Биос»
ПОЧАНИНА Т.Г.	психолог МЦ «Биос»

Несмотря на наличие повышенного внимания и активного интереса к теме зависимости, это социальное явление и по сей день остается достаточно мало изученным. Практически не предпринимаются попытки объяснения причин возникновения той или иной зависимости и механизмов, которые участвуют в ее формировании. В настоящей статье предпринята попытка найти ответы на вопросы о том, на основе каких трансгенерационных механизмов формируется зависимая личность, какие дополнительные механизмы участвуют в этом, какое место занимает личность в данном процессе и как она (личность) разрушается в процессе формирования ее зависимой части. Даны определения основных понятий трансгенерационный механизм, зависимость, личность, развитие личности, зависимое поведение, идентификация, идентификационная программа, созависимость и отражены их взаимосвязи и взаимовлияние. Ключевые слова: трансгенерационный механизм, зависимость, созависимость, зависимое поведение, личность, зависимая личность, развитие личности, идентификация, идентификационная программа

В современном обществе тема зависимости с каждым годом становится все более актуальной, выделяют все больше и больше объектов зависимости (наркотики, алкоголь, табак, игровые автоматы, пища, Интернет, компьютерные игры и т.д.). При этом большинство научных работ посвящено исследованию последствий возникновения зависимости, непосредственных проявлений зависимости и т.д. Практически не предпринимаются попытки объяснения причин возникновения той или иной зависимости, механизмов, которые участвуют в ее формировании, и существующие работы, на наш взгляд, не отвечают на эти вопросы.

В первую очередь, нам видится необходимым дать определения основным понятиям: *личность, зависимая личность и зависимое поведение, трансгенерационный механизм.*

Для определения понятия *личность* мы обратимся к трудам В.А. Петровского, где он определяет личность как особый феномен, в котором непосредственно обнаруживаются разворачивающиеся в межиндивидуальном пространстве предметные и коммуникативные связи между людьми. Характеристика личности, следуя логике В.А. Петровского, осуществляется на интраиндивидуальном, интериндивидуальном, метаиндивидуальном уровнях [7, 8]:

- интраиндивидуальный — индивидуально-психологический уровень;
- интериндивидуальный — уровень межличностных связей;
- метаиндивидуальный — уровень, существующий за пределами актуальных связей индивида с другими ин-

дивидами, за пределами его совместной с ними деятельности.

Механизм развития личности также был описан В.А. Петровским, и мы взяли его за основу развития личности. У субъектов в процессе общения формируются представления друг о друге, затем каждый из них вносит собственные изменения в эти представления, и в дальнейшем они возвращаются друг другу в измененном виде. Таким образом, принимая представления другого о самом себе, личность развивается. В терминах Петровского это обозначается как *взаимопереходы, отраженная и возвращенная субъектность* («Развитие личности — это взаимопереходы отраженной и возвращенной субъектностей» по В.А. Петровскому). Данный механизм применим и к развитию зависимой личности, т.е., отражая те изменения, которые зависимый производит в жизни других людей, он сам развивается как личность. Только разница состоит в том, что возвращаемые представления о субъекте, которые в дальнейшем закрепляются, являются не здоровыми, а патологическими, зависимыми [6].

Зависимая личность также проявляется на трех уровнях: интра-, интер-, метаиндивидуальном.

Интраиндивидуальный уровень состоит из характеристик, особенностей зависимой личности, появление которых связано с непосредственными зависимыми отношениями. Отсюда различные попытки построения «портретов», «профилей» зависимых [9, 10].

Интериндивидуальный уровень состоит из специфических взаимодействий зависимой личности с ее окружением в непосредственном общении.

Метаиндивидуальный уровень состоит из представлений о зависимом в сознании его родных и близких.

Зависимое поведение, как мы его определили, — это формирующиеся в процессе онтогенеза привычные родительские идентификационные паттерны, носящие функциональный характер. Основой развития зависимых отношений является нарушение процесса отделения ребенка от матери.

Анализ взаимоотношений в диаде мать—ребенок наиболее полно был проведен в работах психоаналитиков, в частности М. Малер, Д. Винникотт и другие [2, 4, 11].

Для формирования зрелой, независимой личности, по их мнению, необходимо окружение, которое точно и эмпатически отражает все проявления ребенка в полном объеме и в случае необходимости способствует ее оптимальной фрустрации. М. Малер говорит о том, что формирование психических структур происходит в контексте диадной интерсубъективности. При этом важное значение здесь приобретают факторы, которые, с одной стороны, способствуют формированию внутриспсихических структур, позволяющих ребенку в последующем функционировать независимо от объекта привязанности (матери), а с другой стороны, способствуют патологизации этих структур.

Д. Винникотт в своих трудах пишет о том, что в психологическом смысле такое явление, как младенец не существует, что ребенок может быть объектом изучения только в диаде с матерью, только с ней он может существовать, «способен чувствовать себя». Таким подходом Винникотт подчеркивает, что симбиотическая привязанность младенца обязательно должна рассматриваться наряду с эмоциональным вкладом «достаточно хорошей матери». Ребенок практически постоянно включается в контакты с реальным внешним миром, людьми, и соответственно основная задача детей до трех лет состоит в формировании образа мира, матери и сопоставление с этими образами представлений о себе. Формирование этих представлений происходит в постоянно сменяющихся друг друга процессах сепарации и индивидуации.

Сепарация — процесс формирования целостных и устойчивых внутриспсихических репрезентаций себя (образа самого себя) отдельных от столь же устойчивых и целостных репрезентаций объекта; имеется в виду не физическое, пространственное отдаление от родителей или распад межличностных отношений, а развитие интрапсихического чувства возможности функционировать независимо от матери. [2]

Индивидуация — формирование собственной уникальной идентичности и воспроизведение своих индивидуальных характеристик.

В норме эти процессы идут одновременно, но они также могут и расходиться в результате задержки или

ускоренного развития тех или иных сторон психики. Формирование навыков стояния, ходьбы, речи и т.д. является не только физиологическим развитием ребенка, но и начальным этапом сепарации в симбиотических отношениях «мать — ребенок». Появление ходьбы является базовым компонентом получения автономии, что особенно касается принятия решения автономного риска, инициативы, самостоятельного определения и оценки действий. При нарушении же процесса развития родители делают невозможным собственное самоопределение ребенка (формирование самоидентификации), способность идти на риск и способность самоконтроля, проявляя при этом реакции страха, ухода, угрозы и наказания за те действия и поступки, которые служат созданию дистанции, определению различий, демонстрации агрессии и выработке самостоятельно выбранной идентичности. Одновременно преувеличенное значение приписывается слиянию, эмпатии и зависимости от родителей. В результате незрелый, беспомощный ребенок, не имея возможности получить соответствующего одобрения от родителей с помощью естественных проявлений, идентифицирует себя с таким образом себя самого, который нужен родителям для достижения их собственных целей, и делает все, чтобы соответствовать этому образцу. Таким образом, он получает хоть какую-то реакцию на свои действия, присутствие, существование.

Началом формирования зависимого поведения можно считать процесс выбора (вычленения) и последующего «изъятия» родителями собственных проявлений ребенка в раннем возрасте, что является началом возникновения идентификации как системообразующего механизма для дальнейшего воспроизводства особого рода отношений.

Термин *идентификация* (от лат. *identificare* — отождествлять) достаточно широко трактуется в современной науке:

- ситуативное уподобление (как правило, неосознанное) себя значимому другому (например, родителю) как образцу на основании эмоциональной связи с ним;
- устойчивое отождествление себя со значимым другим, стремление быть похожим на него. Различают первичную и вторичную идентификацию. Первичная идентификация — это идентификация ребенка (младенца) сначала с матерью, затем с родителем, пол которого ребенок признает своим. Вторичная — это идентификация в более позднем возрасте с людьми, не являющимися родителями;
- механизм психологической защиты, заключающийся в бессознательном уподоблении объекту, вызывающему страх или тревогу [5].

На наш взгляд, создание идентификационной программы и идентификационных пространств происходит путем создания родителями ситуации, в которой у ребенка преобладают тревога и страх. Достигается это разными способами, как правило, в каждой семье это достаточно ограниченный набор паттернов, которые изменяются и совершенствуются практически всеми членами семьи по мере необходимости. Кроме этого, в ситуациях, когда существующие паттерны поведения не работают вообще или их интенсивность снижается, в семье могут актуализироваться процессы формирования новых паттернов поведения для поддержания тревоги как постоянного фона (закон гомеостаза, так как эти семейные системы могут нормально существовать только при определенном уровне напряжения и тревоги) [1]. За счет различной комбинации этих паттернов достигается нужный, практически постоянный, уровень личностной тревоги у ребенка и, в результате, ребенку ничего не остается, кроме как прибегать к помощи психологических защит, в частности идентификации. Идентификационное пространство является своеобразной психологической заградой и блоком на пути обращения ребенка не только к родителям, но и от них, с последующим нарушением процессов самоидентификации и самодифференциации. Ребенок начинает бессознательно уподобляться объекту, вызывающему страх и тревогу, в данном случае это родители (или один из родителей), он начинает подражать поведению, оценивать собственное состояние, желания, потребности и т.д. через их поведение, оценку. И как следствие всего этого начинают образовываться «идентификационные пустоты» внутри ребенка. Проявление непосредственно его собственно детского заменяется на демонстрацию социально приемлемого и одобряемого и как следствие безопасного для него. Так постепенно идентификация из разряда психологических защит переходит в системообразующий паттерн, поддерживая семейный гомеостаз. На этом этапе у ребенка фактически прекращаются все процессы самоидентификации.

Самоидентификация (аутоидентификация, аутоидентификация) — самоопределение. В более узком смысле самоидентификация «означает лишь те процессы личностной идентификации, которые являются продуктом сознательных стремлений и усилий личности, а не побочным продуктом стихийных процессов подражания, заражения, психологической защиты или результатом внешнего внушения и воспитания».

Идентификация обычно остается на уровне подражания, повторения; поведение в этом случае приобретает черты наигранности, театральности, демонстративности, однако знание о себе не то чтобы не появляется вообще, оно носит специфический характер

(«Я тоже умею так ходить», «Я тоже умею читать и писать» и т.д.). Это знание весьма поверхностно и ситуативно (сегодня могу, завтра не могу; сегодня позволяют, завтра — нет), при этом не формируются механизмы самостоятельного развития.

В результате ребенок не в состоянии самостоятельно давать оценку своим действиям, самостоятельно их контролировать и корректировать, выносить самостоятельные суждения по тому или иному поводу и как следствие он автоматически становится заложником получения информации и оценок себя и своих действий извне. Он становится более ориентированным на окружающих, нежели на себя, на первое место выходят интересы и желания других людей (матери, отца, других значимых взрослых), а не свои. Формируются определенные правила, регулирующие коммуникации, права и обязанности всех членов семьи, в которые включается и ребенок. Эти правила являются своеобразным «сводом законов», который определяет жизнь в семье, по сути, это — идентификационная программа (начало ее формирования и механизмы, обеспечивающие ее существование).

Все вышеперечисленное, в свою очередь, является признаками созависимых отношений. Таким образом, процесс усвоения ребенком идентификационной программы можно считать началом формирования созависимых отношений, а это, в свою очередь, формирует зависимую субличность в пространстве самой личности [6].

Под *созависимыми отношениями* мы понимаем многокомпонентную представленность в личности, содержащую в себе модель отношений с человеком, который дал начало формированию идентификационной программы (чаще всего один из родителей), исходя из которой личность в дальнейшем строит свои отношения с окружающей действительностью. То есть мы говорим о том, что созависимость — это не просто отношение созависимого к химически зависимому, это создание изначально зависимой личности в условиях, диктуемых созависимым.

Формирование многокомпонентной представленности (созависимых отношений) происходит путем трансгенерационной передачи паттернов и параметров функционирования семьи, накопленных предыдущим поколением.

Под *трансгенерационной передачей*, или механизмом, мы, вслед за А.А. Шутценбергер, понимаем процесс межпоколенной неосознанной передачи элементов опыта предыдущей семьи. Так, если в предыдущей семье алкоголизму не придавалось большого значения из-за наличия некоторых «объективных обстоятельств» (тяжелое время, война, общепринятое отношение к алкоголю), то в последующее поколение передается уже сформированное отношение к алкого-

лизму в виде мифа, например «у нас хорошая семья, а это не проблема». Или другой распространенный миф в семьях зависимых: «дети должны помогать решать проблемы семьи из-за того, что папа пьет». Основой для такого отношения может служить вынужденное участие ребенка (или одного из детей) в решении семейных проблем (многодетные семьи, где родители работали, чтобы прокормить семью, а кто-то из детей брал на себя обязанности одного из взрослых). Следующему поколению это передается в виде мифа, без учета изменившейся ситуации и семейных условий.

Таким образом, зависимая субличность является обратной стороной созависимости и формируется не в момент «обретения» предмета зависимости (наркотики, алкоголь, игра, еда и т.д.), а в процессе длительного «изъятия» из личности основных формирующих ее компонентов (в раннем возрасте — собственные границы, на более поздних этапах — мнения, взгляды и т.д.) и замены их трансгенерационными составляющими.

Обеспечению процессов, описанных выше, служит, на наш взгляд, глубинный конфликт между различными аспектами личности на интраиндивидуальном уровне. В данном случае под конфликтом мы понимаем несогласование и несовпадение отраженных, возвращенных и реально действующих личностных проявлений ребенка (личность как индивидуальность в совокупности ее свойств, норм, ценностей, историко-культурального компонента, индивидуальных различий). То есть, реально действует ребенок как носитель формирующейся зависимой субличности, так как она функциональна, в других отражаются субъективные проявления его психической зависимости, а возвращаются достроенные до целостной завершенности образы зависимой личности.

В последующем, по мере взросления, у ребенка становится все меньше возможностей воспроизводиться как личность в каждом из пространств — Жизнь, Культура, Другой человек, Я сам [7].

Пространство «Жизнь» (по В.А.Петровскому) подразумевает существование субъекта, воплощенное в собственных телесных проявлениях. В процессе онтогенеза, по мере того, как родитель прививает ребенку первичные навыки контроля за своими физиологическими отправлениями, навыки самообслуживания, он в то же время лишает ребенка возможности выбора по отношению к своему телу (запреты на свободные физиологические отправления, негативное эмоциональное реагирование на самостоятельные попытки ребенка справиться со своими нуждами и т.д.).

Пространство «Культура» — существование субъекта в сфере социокультурных отношений. Любая культура, которая ставит один пол выше другого,

одну религию выше другой или одну расу выше остальных, создает общество, препятствующее личностной самореализации как таковой. Несмотря на то, что наше современное общество формально является многоликим и в нем признаются разные культуры, нации, которые уравниваются между собой и провозглашаются равнозначными, тем не менее, подспудно даются оценка и предпочтение тем или иным религиям, нациям, формам и нормам поведения, (культ денег, карьеризм и т.д.). Естественно, что все это препятствует свободному самораскрытию.

Пространство «Другой человек» — существование субъекта в сфере межличностных отношений. Описание невозможности самореализации субъекта в данной сфере мы приводили ранее, когда говорили о механизмах самовоспроизводства зависимой субличности в терминах отраженных, возвращенных и реально действующих личностных проявлений субъекта. Здесь необходимо пояснить, что когда происходит общение между двумя зависимыми субъектами, то каждый из них приходит со своей идентификационной программой, имеющей свой уровень дифференцировки, свою сложность и свое содержание. При этом каждый из них пытается взаимодействовать на своем уровне и взаимодействия как такового не происходит. Если встречаются зависимый и условно здоровый, то зависимый не может в единицу времени считывать и понимать различные комбинаторные возможности поведения, которые предъявляет условно здоровый. Они всегда будут больше по диапазону тех ограниченных возможностей или тех ограниченных паттернов, которые есть у зависимых. Одна из причин этого заключается в том, что зависимый всегда предъявляет кого-то, а здоровый — себя, в силу чего они оба не могут существовать в пространстве другого.

Пространство «Я сам» — существование субъекта в Другом в качестве значимого другого, вначале извне, а далее как бы изнутри, определяя сознание и поведение. Эффекты воздействия идеальной представленности Другого А.В. Петровский обозначает термином *вклад*. «Вклады — это только те изменения, которые существенны для субъекта, выявляют свою значимость для его самоопределения, для постановки и решения его собственных проблем и задач». В рамках зависимых отношений между субъектами вклады не могут возникнуть как таковые, поскольку постоянно дается возможность приобретения готовых, функциональных, жестких и ригидных представлений, предписаний к действию, оценок, взглядов, решений, разрешений, вариантов поведения и т.д. При этом субъект, получая все готовое, не затрачивает никаких собственных сил и ресурсов на переработку получаемой «информации», а просто воспроизводит зависимые паттерны поведения, со временем со-

вершенствуя их. В результате этого, у здоровой части нет возможности проявляться и самовоспроизводиться ни на одном из уровней: интра-, интер-, метаиндивидуальном.

Мы, вслед за В.А.Петровским, считаем, что у человека есть потребность персонализации (потребность быть личностью). Она может рассматриваться как базисная потребность человека, лежащая в основе множества явлений. Поскольку из-за процессов, описанных нами выше, человек иногда не может удовлетворить данную потребность ни в одном из пространств, он ищет новое пространство, в котором это будет возможно. В этот момент особый вклад вносят родители, которые дают «разрешение» на формирование этого пространства, а в отдельных случаях на личном примере показывают способ его формирования. Одним из таких пространств является пространство зависимости от объектов и веществ внешнего мира: наркотики, алкоголь, игра, пища и т.д. Здесь субъект может существовать независимо от другого, так как это состояние другому недоступно. Он может строить свою «алкогольную», «наркоманскую» семью, зарабатывать деньги, решать проблемы, т.е. формировать себя самостоятельно.

Как следствие, формируется еще одна субличность — субличность наркомана, алкоголика, игрока и т.д. Эта субличность, основанная на болезни, является составной частью зависимой субличности, но при этом она более функциональна, автономна, динамична. Она имеет тенденцию к постоянному развитию, за счет постепенного наслаивания на здоровую часть личности.

Результатом такого наслаивания является тотальная захваченность здоровой субличности субличностью наркомана, алкоголика и т.д., вследствие чего происходит нарушение естественного хода развития личности и, в конечном итоге, ее трансформация и разрушение.

Таким образом, технологией профилактики и реабилитации аддиктивных расстройств, на наш взгляд, является выявление трансгенерационных механизмов, анализ системы семейных взаимоотношений на основе этих механизмов, приведших к формированию зависимости, с последующей психотерапевтической проработкой данных явлений как с самим зависимым, так и с каждым членом его семьи.

Список литературы

1. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. — Самара, 1996.
2. Винникотт Д.В. Маленькие дети и их матери. — М.: Класс, 1998.
3. Горьковская И.А. Влияние семьи на формирование делинквентности у подростков // Психологический журнал. — 1994. — №2
4. Джонсон С. Психотерапия характера. — М.: Центр психологической культуры, 2001.
5. Идентичность: Хрестоматия / Сост. Л.Б. Шнейдер. — М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003.
6. Назаров Е.А. Созависимость в семье как условие становления наркотической личности: Дисс. на соискание ученой степени к.психол.н. — Самара, 2000.
7. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. — Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
8. Петровский В.А. Психология неадаптивной активности. Российский открытый университет. — М.: ТОО «Горбунок», 1992.
9. Психологические исследования и психотерапия в наркологии. — Л.: Изд-во Ленинградского психоневрологического института, 1989.
10. Психологические особенности наркоманов периода взросления (опыт комплексного экспериментально-психологического исследования) / Под ред. Березина С.В., Лисецкого К.С. — Самара: Самарский университет, 1998.
11. Тайсон Ф., Тайсон Р. Психоаналитические теории развития / Пер. с англ. — Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
12. Терентьева А.В. Особенности развития ребенка в алкогольной семье и возможности реабилитационной работы. // Семейная психология и семейная терапия. — 1998. — №3.
13. Шутценбергер А.А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. — 3-е изд-е. — М.: Психотерапия, 2007. — 256 с.